

Раскол и аффект: понятие «народ» в языке российских интеллектуалов

Виталий Куренной

В социальном лексиконе европейских обществ давно сложился набор понятий, обозначающих группу людей, обладающих или могущих обладать политической властью — «демос», «этнос», «популюс», «нация», «люди», «народ» и некоторые другие. Большинство из этих понятий обладают двояким смыслом, соответствующим двум типам отношений:

1. внешнее — внутреннее (между одним политическим сообществом и другими политическими сообществами);
2. верх — низ (господствующие и те, над кем господствуют) [1].

Оба типа отношений имеют политический характер, связаны с системой присвоения и распределения власти. В своем полном политическом выражении в первом случае речь идет о притязании на какой-то тип автономии некоторой социальной общности, во втором случае — об очерчивании в пределах этой автономной общности некоторой группы лиц, имеющих доступ к участию во власти.

Каждое из этих понятий имеет сложную и нюансированную семантическую историю, представляющую самостоятельный интерес. Чтобы сразу не завязнуть в ней, ограничимся констатацией базовой трансформации некоторых основных понятий, произошедшей при переходе от традиционного (феодалного, сословного и т. п.) общества к современному (модерновому) обществу. В любом домодерновом обществе, провозглашавшем, например, «демократию» или «республику», не имелось в виду, что в политическом управлении обществом принимает участие тот же круг лиц, которому мы сегодня приписываем это право. «Демос» греческого полиса противопоставлялся рабам, метекам и чужакам, не совпадая при этом с «этносом» [2]. Греческие выражения «демократия» или римская «республика» также указывают на то, что властью обладает «демос» или «популюс», объем которых, однако, никогда не был тождественным всему дееспособному населению этих политических образований.

Рождение современного в политическом отношении государства ведет к принципиальному переопределению семантики этих понятий. Современная «демократия» предполагает, что в политическом управлении обществом формально могут принимать участие все дееспособные члены общества, лояльные ему в политическом отношении, — граждане государства. Это есть краеугольный камень современной политической единицы международных отношений — национального государства [3]. Источником суверенной власти (власти распоряжаться своей собственной судьбой) в таком государстве является не монарх и не помазанник Божий, а народ или нация, обладающие правом на самоопределение. Очевидно, что не все

граждане реализуют или могут реализовать свое право на политическое участие по разным экономическим или иным обстоятельствам. Однако важно, что все граждане («народ») признаются равными в некотором базовом онтологическом смысле, который несвойственен досовременным обществам. В последних существует признаваемое всеми качественное различие отдельных групп людей (каст, сословий и проч.), в соответствии с которым «*Quod licet Jovi, non licet bovi*» («Что позволено Юпитеру, не позволено быку»). Существующие в рамках современной модели национального государства многообразные языковые, культурные и прочие социальные группы, имеющие между собой отчетливые различия, не исчезают полностью, но подвергаются сциентистскому переопределению и конструируются как предметы изучения таких дисциплин, как этнография и культурная антропология. Причем они переопределяются таким образом, что это не имеет (после Второй мировой войны) явного политического значения.

Из этого вводного замечания ясно, что понятие «народ» [4] относится к специфическим политическим понятиям, употребление которого имеет очень узкую контекстуализацию (если использовать его именно как политическое понятие). Действительно, трудно представить себе ситуацию, при которой бы мы в устной речи употребляли это слово в магазине, в зоопарке, в бане или в банке. Употребление этого понятия требует особых случаев, например, выступления на политическом митинге, написания публицистического текста или принесения воинской присяги [5]. Этот политический аспект понятия «народ» ясно отличается от другого понятия, которое, напротив, имеет повседневное хождение в русском языке, когда речь идет о некоторой небольшой группе людей. Так, на молодежной вечеринке нетрудно услышать: «Народ, а кто пойдет за пивом?» или «В клубе вчера было полно народу». Здесь слово «народ» обозначает группу лиц, как правило, визуально обозримую («у ларька толпилось много народу» или «народ набился битком в автобус»). Между «народом» в политическом смысле слова и «народом» в смысле доступной для обозрения группы людей различие столь велико, что можно считать эти понятия не просто полисемичными, а омонимами.

Относительная редкость контекстов, когда нам приходится использовать понятие «народ» в политическом смысле, не отменяет, впрочем, вопроса о его семантической специфике в том случае, если мы специально его тематизируем в каких-то контекстах. Рассмотрим здесь некоторые типичные способы тематизации этого понятия в языке группы, которую можно назвать «интеллектуально-активной», или, для простоты, в языке интеллектуалов. В качестве материала для анализа здесь используется серия интервью (всего — более 100), взятых в рамках одного из наших исследований российских интеллектуалов [6]. В данном случае эта группа тем более интересна, что фактически представляет людей, производящих образованный публичный дискурс, задающих рамки и правила работы с абстрактными понятиями, к каковым, без сомнения, следует отнести также и понятие «народ».

Сформулируем наш вопрос следующим образом: встречается ли в языке интеллектуалов такой способ употребления понятия «народ», который соответствует его современному конституционному значению? То есть снимает ли понятие «народ» различные внутригрупповые (сословные или квазисословные, этнические и т. д.) рамки, утверждая указанное онтологическое и политическое равенство всех

представителей политической нации?

Для начала можно отметить, что лексически понятие «народ» является редким в употреблении, но при этом имеет место повседневное использование данного понятия в указанном выше смысле. Например:

“ В 1974 году я стал заведующим отделом. Мы собрали совершенно новый народ ”

Виталий, Новосибирск

В абстрактно-политическом смысле понятие «народ» используется в экстернальном смысле для обозначения отношений «внешнее — внутреннее». Здесь может быть задействован как исторический тип отношения («прошлое — настоящее»), так и культурно-географический (культура разных стран).

В первом случае значимой является отсылка к советскому прошлому и концепту «советский народ»:

“ ...тогда, я уже не помню, когда, на каком съезде, было провозглашено, что сформировалась новая общность людей — советский народ. И вот такой советский народ был: мы не делили там на армян, на таджиков, на татар, казахов — все жили замечательно. И вот здесь в Дубне содружество этих наций особенно чувствовалось. Из разных стран, там то, да се. А сейчас, вот, работают таджики — на них смотрят по-другому: как на изгоев и как на нечто чужеродное. То же самое и в Москве: это всякие лица кавказской национальности. Ну разве мы могли себе представить, что такой термин появится? Был, действительно, советский народ ”

Евгений, Дубна

В культурно-географическом смысле понятие «народ» является различительным страновым понятием:

“ Вот я немножко занимаюсь инструментами музыкальными, я делаю некие объекты, которые можно назвать музыкальными инструментами. Они звучат, они акустически выстроены, вместо скрипки это может быть венский стул. Он звучит, как альт, и на нем можно играть, в том числе и классическую музыку. Вот, например, если посмотреть туда, то найдешь больше сходства между всеми народами от Скандинавии до Китая — в общем подходе к инструментам. Как гусли, например. Мы этот принцип во всех народах найдем, поэтому вот я, например, ищу, что нас объединяет, не что нас делает индивидуальностью — Россия, российское ”

Александр, Архангельск

В контексте нашего вопроса, однако, наиболее показательным является интернальный

смысл понятия «народ». Согласно общей гипотезе о современной трансформации этого понятия, можно ожидать, что использование понятия «народ» должно включать такие случаи, когда оно обозначает всех граждан страны вне каких бы то ни было специфических групповых различий и внутригражданских противопоставлений (согласно формуле конституционного определения). Однако эта гипотеза блистательно не подтверждается на нашем материале. На деле понятие «народ» устойчиво используется для наименования только одной из групп граждан, не менее устойчиво противопоставляясь прежде всего осуществляющей власть группе «чиновников» и «бюрократии». Например:

“ Я думаю, что это прежде всего, конечно, чиновники, бюрократия. Я не беру, конечно, клерков, которые вряд ли там какую-то политику определяют. Но бюрократия, начиная, допустим, вот с уровня региональных министров, глав муниципальных образований и выше, — вот они определяют все. Потому что... понятно, что народ никакой власти не имеет, у нас это естественно ”

Мидхат, Казань

Указанная дифференциация не является нейтральным распределением власти, напротив, тематизация данного отношения имеет отчетливо выраженный эмоциональный характер:

“ А президенты, губернаторы — потом же испытывают ненависть народа, вполне естественно. Каждый, кто идет руководить, должен понимать, что он будет ненавидим народом, даже если делает что-то хорошо. Мне кажется, что люди вверху не понимают, что все это понимают. И удивляются, почему их народ не любит. Потому что невозможно гадить в стране, где ты живешь. Ведь чиновниками становятся по сути отбросы общества, те, кому нечем заняться в жизни. Они не любят ни медицину, ни науку, ни искусство. Это в принципе неумные люди. Они компетентны в чем-то, но по мировоззрению они недалекие люди. Они, конечно, нужны. Но получается, что вот это существо, поставленное на службу народу, государству, вдруг становится главным. И народ крутится вокруг этого винтика, мэра, губернатора, президента ”

Дмитрий, Архангельск

Интернальное противопоставление «народ» — «чиновничество» регулярно дополняется или даже заменяется противопоставлением «народ» — «бизнес». Причем данное отношение также нагружается напряженными аффективными оценками:

“ В России появился такой самый настоящий класс чиновничества и крупного бизнеса, который в значительной степени основан на коррупции. И вот этот коррумпированный государственно-монополистический

капитализм, предельно неэффективный, глубоко антинародный, глубоко антидемократический, так он в настоящее время оказался доминирующей тенденцией развития нашего общества, мне это крайне несимпатично ”

Николай, Санкт-Петербург

“ ...Когда олигархи, Куршавели, яхты, самолеты. Это страшно зlobит народ, зlobит ”

Евгений, Дубна

Характерно, что эти эмоциональные оценки (даже в том случае, если собеседник стремится занять отстраненную, аналитическую позицию) имеют симметричный характер. Например, «народ» «ненавидит», «бизнес» же, со своей стороны, «боится»:

“ В принципе, если отойти от эмоций, перейти к анализу, то, безусловно, режим был необходим, авторитаризация была неизбежна. Страна, в которой одна часть населения боится, что другая придет к власти, где бизнес-класс боится народа, где народ ненавидит собственный бизнес-класс, где каждое свободное голосование — это, вообще говоря, ожидаемая катастрофа и т. д. Одни ждут чемоданов, как бы убежать из этой страны, а другие ждут, когда же им дадут палки, чтобы побить все витрины, — это ненормальная ситуация. Даже учитывая то, что верхи этой протестной оппозиции уже абсолютно приручены властью. Все равно это ощущение. В ситуации такого раскола неизбежно приходит авторитарный режим, то есть силовые структуры заменяют собой отсутствие целостности ”

Борис, Москва

В зависимости от собственных представлений говорящего эмоциональный характер отношений между «народом» и «властью» может варьироваться, однако показателен сам принцип квалификации этих отношений — эмоциональность:

“ И на самом деле, ведь и у народа, у населения, скажем так, и у власти сейчас просто разные задачи, они не пересекаются, и поэтому власть не раздражает народ, а народ не раздражает власть ”

Андрей, Иркутск

Даже приведенная сдержанная оценка не отменяет указанной особенности — данный тип отношения имеет эмоционально-нагруженный характер. Из этого можно заключить, что само отношение является сильным и отчетливым, строится как напряженное и хорошо различимое на уровне аффективно-оценочной чувствительности:

“ Да мне ничего не импонирует, абсолютно. Если брать общеполитические и идеологические взгляды, то идеологии у них, якобы, нет, а политика у них чисто номенклатурная, у власти совершенно не зависящий от народа класс постноменклатуры, который очень похож на номенклатуру ту, но плюс еще включает назначенную ею же ... плутократию ”

Владимир, Казань

В ряде случаев указанная триада «народ» — «чиновники» — «бизнес» дополняется еще одной группой, претендующей на самостоятельность. Это группа «интеллигенции», или «интеллектуалов», которая возникает в рамках вопроса о взаимодействии (или неудачном налаживании взаимодействия) указанных трех групп («народа» с «властью» и «бизнесом»):

“ Стремление интеллектуалов взаимодействовать с народом должно проявляться в виде некой политической активности, политической активности в рамках партии, каких-то СМИ политизированных, да, групп влияния, кружков, в конце концов. Да, а этого нет. В принципе, я думаю, что интеллектуалы решают две задачи. Первая — это личная задача преуспевания, желательно — не любой ценной, скажем так. И вторая задача — это упрочение своего влияния. ... Это можно сделать, только взаимодействуя с крупным бизнесом и властью, а не функционально выстраивая мостик между народом и властью ... это просто нефункционально ”

Михаил, Иркутск

Отличие самих себя от «народа» является некоторой естественной для языка интеллектуалов процедурой, ретроспективно прослеживаемой на всем протяжении персональной биографии. Вот пример высказывания, дающего развернутое представление о цивилизационных основаниях этого различия:

“ Там [где мы жили] была маленькая обсерватория ... в каком-то смысле наукоград, но очень маленький еще. То есть он еще сохранял черты человеческого поселения, резко выделяющегося по уровню и комфорту, ну и, соответственно, какого-то интеллектуального климата даже на уровне райцентра, не говоря уже об окрестных совсем деревнях. Но в то же время очень близкий к народу, то есть асфальт не мешал мне наблюдать за жизнью деревни, и на всю жизнь у меня сохранился к ней интерес, и провинции я в этой связи не боюсь... ”

Антон, Иркутск

Впрочем, использование понятия «интеллигенция» в контексте понятия «народ» имеет преимущественно ретроспективный характер [Z]:

“ Если говорить о ситуации, скажем, конца восьмидесятых — начала девяностых годов — это какое-то “слияние с народом”, так в кавычках скажем, потому что понятие “народ”, понятно, очень подозрительное, особенно в плане социологии. ... В принципе интеллигенция начала расходиться. Одна часть пошла по традиционному руслу, значит, сочувствия народу, связи с народом, просвещения народа и так далее. А вторая часть пошла по линии прощания с народом. Ну, яркий самый пример — Мамардашвили вспомните, когда Гамсахурдиа выбрали в Грузии, и он сказал, значит, если мой народ выбирает такого президента, мне с ним не по пути. И примерно то же самое, но менее внятно, сказали про себя многие интеллектуалы, скажем так, люди, профессионально занимающиеся умственным или преподавательским трудом. И с этой точки зрения ... современную ситуацию частично можно обозначить как прощание с народом ”

Сергей, Екатеринбург

Наконец, следует отметить существенные региональные различия в тематизации понятия «народ» [8]. В частности, в рамках регионально-областной модели социальной и дискурсивной практики возникают жесткие культурные и этнические разграничения, для описания которых используется понятие «народ» (в указанном этнокультурном смысле). Например, подобная ситуация значима для Татарстана:

“ Русский не создавал, и до сих пор еще средний русский недостаточно сознает себя русским. А почему? Вот как раз сейчас мы о причинах-то. Да потому что русский — это, в общем-то, настолько большой народ, что ему не нужно защищать себя. Русские и так существуют со слабым самосознанием. Если бы татары пренебрегли самосознанием, то они бы давно-давно растворились ”

Олег, Казань

Особая ситуация складывается и в Калининградской области, где возникает напряженная проблема самоидентификации, вызванная наложением нескольких факторов: явно выраженного представления об изолированности области от «большой» России, высокой плотности контактов с окружающими странами Центральной Европы и Германией, а также зримого присутствия немецкого исторического наследия. В результате возникает особая конструкция идентичности «русского европейца» [9], фактически идентичного в базовом поведенческом отношении окружающим европейским нациям:

“ Нет такой существенной разницы, какого-то фундаментально другого отношения к жизни, которое существует между немцами и русскими, даже между поляками и русскими. Есть какие-то вещи, которые зависят от существующей оперативной обстановки. Материального достатка на

данный момент, на данный период жизни. Когда распался Советский Союз, все поляки поехали сюда к нам, скупать здесь все. Из-за разницы в курсе им было выгодно все: любые кастрюли, любые железки, купить, привезти, продать. Было огромное количество челноков, сейчас они ездят за сигаретами, за бензином. Но тогда они скупали абсолютно все... Так же и калининградцы, мы ездили за определенными товарами.

Все равно находилось какое-то общее культурное понимание, не знаю почему. Может, это связано каким-то образом с религией, которая заложена где-то вообще изначально, в таком подсознании, которое не выкопаете вообще и не раскопаете никакими нашими сугубо логическими рассуждениями... Говорят, загадочная русская душа. Я был во многих компаниях, когда немцы напивались и начинали говорить за правду. Там то же самое — резание правды-матки, те же самые гнусные попойки. Разница только в материальном. У них там, может, полиции меньше, менее коррумпировано. Там те же вещи, что и у нас происходят, просто мы о них не знаем”

Алексей, Калининград

Если вернуться к основному вопросу, поставленному в этой статье, то можно заключить следующее. Язык современных российских интеллектуалов устроен таким образом, что не связывает с понятием «народ» модернового интернального смысла политической нации — общество состоит из разрозненных социальных групп. «Народ» — это лишь одна из этих групп, соседствующая с «властью», «чиновниками», «бизнесом», а в некоторых случаях и «интеллигенцией». В этом языке, таким образом, с необычайной устойчивостью воспроизводятся квазисловные представления об обществе, которые мало чем отличаются от дискурса интеллигенции вековой давности. Например, от языка авторов сборника «Вехи» (1909), категориальный аппарат которых исчерпывающим образом задается триадой «народ» — «интеллигенция» — «власть» [10].

Впрочем, есть нюансы, связанные как с появлением группы «бизнесменов», так и с размытием группы «интеллигенции». Имеет место социальная диверсификация, в рамках которой отношения по линии, например, «власть» — «народ», опосредованные языком интеллектуалов, обладают высокой и, как правило, негативной аффективной нагрузкой.

Нетрудно, однако, сегодня заметить, что фиксируемая в камерных интервью негативная аффективность легко переходит из языковой практики в уличное социальное действие, выплескиваясь уже на полотно политического плаката.

[1] В данном случае я пользуюсь типологией Райнхарта Козеллека. Далее я буду называть первый тип отношений «экстернальным», второй — «интернальным».

[2] Под «этносом» понималась родственная по языку и общности происхождения группа, границы которой не совпадали с политическими границами.

[3] Национальное государство является европоцентричной конструкцией и возникает

как результат распада более обширной и комплексной политической единицы — империи.

[4] В современных европейских языках в указанном базовом политическом смысле употребляется термин «нация». Насколько удачным является использование в этом контексте понятия «народ» в русском языке мы здесь спорить не будем (на наш взгляд — неудачным и противоречащим базовым языковым интуициям), а будем просто руководствоваться определением Конституции РФ: «Мы, многонациональный народ Российской Федерации...»

[5] А именно (в современной военной присяге): «Клянусь достойно исполнять воинский долг, мужественно защищать свободу, независимость и конституционный строй России, народ и Отечество!»

[6] Базовую интерпретацию исследования см.: Куренной В. А., Никулин А. М., Рогозин Д. М., Турчик А. В. Интеллектуально-активная группа. Ред. В. А. Куренной. М.: Некоммерческий фонд «Наследие Евразии», 2009. Исследование проводилось в рамках гранта Общественной палаты РФ. Основные параметры исследования: интервью, круглые столы и анкетирование в 13 городах России (Архангельск, Владимир, Дубна, Екатеринбург, Иркутск, Казань, Калининград, Москва, Нижний Новгород, Новосибирск, Ростов-на-Дону, Санкт-Петербург, Тула). Группа респондентов выделялась на основании формального критерия гибридизации двух типов социальных ролей: принадлежности к институтам производства (воспроизводства) знания и регулярных выступлений в публичном пространстве (СМИ, Интернет). Тип выборки — выборка, поддержанная респондентами.

[7] Это объясняется дифференциацией понятия «интеллигенция» в настоящее время на группу понятий («интеллектуалы», «эксперты», «профессионалы» и др.), что затрудняет использование одной обобщающей категории (например, «интеллигенция») для обозначения данной группы. Подробнее см.: Интеллектуально-активная группа. Ред. В. А. Куренной. М., 2009. С. 23–48.

[8] В целом одна из наших базовых интерпретативных моделей исследований российских интеллектуалов («интеллектуально-активной группы») основана на выделении глубокой региональной специфики горизонтов социальных и дискурсивных практик интеллектуалов. В частности, можно выделить автономно-индивидуалистическую, «национальную» (сконцентрированную прежде всего в столице), республиканскую, городскую и некоторые другие рамки социально-дискурсивного действия.

[9] «Мы — русские и, скорее всего, европейцы» Ольга, Калининград.

[10] Например, у М. Гершензона: «Этот распад личности оказался роковым для интеллигенции в трех отношениях: внутренне — он сделал интеллигента калекою, внешне — он оторвал интеллигенцию от народа, и, наконец, совокупностью этих двух причин он обрек интеллигенцию на полное бессилие перед гнетущей ее властью» (М. Гершензон. Творческое самосознание // Вехи. Сборник статей о русской

интеллигенции. М., 1909).